

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ СТРАХОВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: РЕФЛЕКСИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНОТИПА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сергей Александрович Кравченко¹

Дарья Александровна Свирская²

^{1, 2} Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия,

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,

¹ sociol7@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2528-5703

² daria_svirskaya@mail.ru,

ORCID 0009-0000-5683-1768

Для цитирования: Кравченко С. А., Свирская Д. А. Становление сложных страхов в молодёжной среде: рефлексия через призму генотипа отечественной культуры // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 102–121. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.5. EDN CHCDDS.

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития и усложнения страхов, начиная с перехода от традиционного общества к «обществу риска» и «мировому обществу риска» и далее к современному обществу, сущностными чертами которого, согласно антропосоциокультурному подходу Н. И. Лапина, являются «синергические сложности». Они представляют собой реалии как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего. Их имманентная суть проявляется в саморазвитии, самоорганизации и гибридизации природы, социума, технологий, что выражается в эмерджентных эффектах неустойчивости, неравновесности, динамического хаоса, которые производят страхи для людей перед неопределённостями настоящего и будущего. Конкретно рассматриваются два типа синергических сложностей, являющихся детерминантами «культуры страха» (У. Бек) и становления специфического рынка страхов, на котором доминируют инсценированные страхи сложного типа и продаются средства их «лечения». Однако содержание страхов детерминировано не только глобальными трендами преобразования мироздания, но и локально-национальными факторами, и прежде всего генотипом культуры страны. В связи с этим критически анализируются зарубежные прагматические подходы к минимизации страхов, которым противопоставляются исследования отечественных учёных, предлагающие культурно обусловленные средства их преодоления. В заключение авторы обосновывают контуры концепции стратегии рефлексивного

лечения страхов, нацеленной на противодействие проникновению инсценированных страхов в сознание российской молодёжи.

Ключевые слова: страх, риск, молодёжь, «синергичная сложность», «культура страха», генотип культуры, рефлексия

Формулировка проблемы

Феномен страха всегда привлекал к себе внимание представителей самых разных отраслей знания. Теологи рассматривают специфический «страх Господень», который, однако, «не означает ужаса, страха перед Богом. Скорее, это – благоговейное доверие к Богу, из-за которого мы хотим угождать Богу и повиноваться ему» [1, с. 1123]. Философы интерпретируют страх в контексте экзистенциальных основ существования людей. Так, С. Кьеркегор трактовал страх как переживание перед необходимостью *выбора* между добром, злом и грехом [2]. У М. Хайдеггера более развёрнутая трактовка страха: ужас перед небытием [3] и паника, обусловленная «растерявшимся настоящим» [4]. По З. Фрейду, если либидиозная и агрессивная энергии не могут сублимироваться в социальные действия, приемлемые как для индивида, так и для общества, то неизбежно будут воспроизводиться условия возникновения трёх разновидностей страха – страха перед чуждым внешним миром, страха совести перед «Сверх-Я» и невротического страха перед силой страстей в «Оно» [5].

В отличие от этих специфических трактовок страха, социологи *комплексно* подходят к данному феномену, учитывая факторы культуры, особенности социальных реалий. Так, М. Дуглас обосновала *культурную обусловленность* страха и риска. По её мнению, грань между объективным значением риска и его субъективным восприятием, органично включающим страх перед последствиями действий, крайне *подвижна в различных культурах*. Соответственно, разные социальные группы по-разному воспринимают риски и страхи, исходя из специфики приобретённого в конкретных жизненных мирах *риск-опыта* и «культурных предрассудков» [6]. Н. Луман утверждает, что «культура всегда предшествует любой социальной ситуации» и, исходя из этого методологического принципа, определяет риск следующим образом: «необходимость отбора означает контингентность, а контингентность означает риск», т. е. суть риска – *сознательный отбор* из культурно возможных альтернатив «для собственного конституирования и сохранения» (контингентность предполагает, что после сделанного выбора индивид продолжает (continues) его анализировать, страшась, «что, может быть, найдено не самое лучшее оформление» [7, с. 153].

Социологи особый акцент сделали на исследовании *динамики социального страха* (его ослаблении или усилении) в условиях новаторских, революционных периодов, в которые возникают моменты коллективного

эмоционального возбуждения. Если, как показал Э. Дюркгейм, «у людей возникает впечатление, что совсем близки времена, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божие осуществится на этой земле», то люди забывают о личных страхах, их энергия проявляется «то в деструктивном и глупом насилии, то в героическом безрассудстве» [8, с. 298]. Когда же возникает «новый перелом», но «ситуация остаётся отнюдь не радужной», то, как свидетельствуют результаты исследований учёных Института социологии ФНИСЦ РАН, социальные страхи, напротив, увеличиваются: в условиях перестройки и либеральных реформ [9].

Качественное усложнение страха З. Бауман видит в реалиях «текущей современности» [10] и интерпретирует изменение его природы с помощью концепции «текущего страха»: такой страх перманентно воспроизводится эффектами «негативной глобализации» (растущие рынки без границ ведут к несправедливости и мировому беспорядку, возникает незащищённость, дерегуляция социальной жизни, что оборачивается «планетарным беззаконием»). Если у «старого» страха были конкретные причины, ограничивающие его пространственно-временные параметры (с их исчезновением пропадали и страхи), то под современным «текущим страхом» социолог понимает постоянный объём беспокойства, порождающий «атмосферу фобии фобий». Страх, с его точки зрения, становится «самодвижущей силой». Он по-разному воспринимается в контексте исторических и социальных перспектив [11].

Процессы социального развития, эволюция технологий, переосмысление представлений о природных явлениях и угрозах меняют подходы к интерпретации страхов и рисков. Однако, несмотря на их динамику, у них общим остаётся *необходимость сознательного выбора из ряда культурно возможных альтернатив*.

Реакция индивидов на необходимость и возможность выбора обусловлена характером *генотипа культуры страны*, выраженного в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [12, с. 10]. Она также детерминирована историческим сознанием россиян, оценками прошлого, памятью, нашими материальными и духовными символами [13]. По нашему мнению, социальные страхи продолжают усложняться, что прежде всего обусловлено становлением в России и мире синергично сложных реалий. Они затронули жизнедеятельность всех россиян, но прежде всего повлияли на сознание молодого поколения, что делает их анализ особенно актуальным.

У. Бек об основных этапах усложнения рисков и страхов

Социолог утверждает, что риски и страхи взаимообусловлены и в своём развитии прошли три качественных этапа.

Первый – в условиях традиционного и раннего индустриального общества зарождаются *два типа относительно простых рисков*: 1) на макроуровне – риски в виде *непредсказуемых природных опасностей или бедствий*, на которые нужно было как-то реагировать, выбирая альтернативные варианты действий; 2) на микроуровне – *личностные риски*: условия жизни были таковы, что рискогенные действия были нетипичны, только отдельные индивиды проявляли мужество и отвагу (Колумб) [14, с. 23–24]; большинство же, напротив, предпочитало следовать традиционному образу жизни – сказывался фактор *личного страха* (хочу рискую, хочу – нет).

Второй: 1) на макроуровне – риски, адекватные индустриальному модерну, риски *развития промышленности с «недостаточной обеспеченностью гигиеническими технологиями»*. «Там, где после катастрофы защитные и предохранительные меры практически исключаются, остаётся только одна (кажущаяся) активность – отрицание опасности, успокаивание, которое порождает страх» [14, с. 7–8]; 2) на микроуровне – *риски добровольного принятия опасных практик индустриализации*, которые связаны с возможностью утраты здоровья и даже жизни. Соответственно, отдельные социальные группы (владельцы средств производства и пролетарии) ради получения благ или выживания добровольно подвергали себя дополнительным рискам и страхам. Для защиты от страхов, производимых экономическими и политическими институтами, создаются и получают развитие *институты страхования*.

Третий: 1) на макроуровне – *новая генерация сложных рисков «развитого индустриального» или рефлексивного модерна*, которые «*в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться*» [14, с. 13]. По мнению У. Бека, учёные и общественность не дают на новые риски адекватных ответов: «в дискуссиях о рисках обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью в обращении с цивилизационными потенциалами риска. Спорят, не слушая друг друга. Одна сторона ставит вопросы, на которые другая не даёт ответа, эта другая сторона отвечает на вопросы, не затрагивающие сути того, о чём её спрашивают и что порождает страхи» [14, с. 19]; 2) на микроуровне – *риски институциональной индивидуализации*: «возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни... Спираль индивидуализации проникает и внутрь семьи» [14, с. 66–67]. Личные страхи вытесняются *индивидуализированными страхами*. Практически все социальные группы *вынуждены рисковать* в большей или меньшей степени: «Риски, распро-

страняясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы» [14, с. 25]. В результате «возникает и становится политической силой *общность страха*. Но пока ещё совершенно не ясно, как действует спланирующая сила страха. Насколько прочны общества страха? Какие мотивации, какую энергию действия они освобождают? Как поведёт себя эта новая солидарная общность объятых страхом? Способна ли социальная сила страха взорвать индивидуальное расчётливое стремление к выгоде? В какой мере порождающие страх общности способны к компромиссам? В какие формы они объединяются для действия? Побуждает ли страх к иррационализму, экстремизму, фанатизму? До сих пор страх не был основой рационального действия. Верна ли ещё эта гипотеза? Быть может, страх, в отличие от материальной нужды, очень шаткое основание для политических движений? Не может ли общность страха распасться от лёгкого сквознячка контрпропаганды?» [14, с. 36].

На эти вопросы о сути усложняющегося страха У. Бек вместе с супругой Э. Бек-Герншейм попытался дать ответы, конкретно исследуя *институциональные риски любви и семьи*, которые касаются прежде всего молодёжи. В книге «Нормальный хаос любви» авторами выделяются и анализируются следующие риски и страхи: в условиях, когда традиции утрачивают свою функциональность, у индивидов, как мужчин, так и женщин, появляются практически неограниченные возможности для создания союзов и выходов из них, что приводит как к свободе, так и к новым барьерам на пути реализации жизненных шансов; риски любви и семьи накладываются на карьерные риски, соответственно, увеличиваются страхи, обусловленные выборами альтернативной организации личной жизни: рождается тип «договорной семьи на время»; всё меньшее число людей вступают в брак или делают это значительно позже, чем было ранее; количество разводов увеличивается, растёт число неполных семей, но возникает запрос на лечение бесплодия. Квинтэссенция «нормального хаоса любви» – «любовный голод», страх одиночества, вера и надежда найти истинную любовь [15]. Как видно, весьма большое количество факторов производят страхи любви. Для сравнения, в своё время М. Ю. Лермонтов страхи любви обосновывал только одним фактором – временем:

«Страшись любви: она пройдёт,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьёт,
Ничто воскреснуть не поможет»¹.

---

¹ Лермонтов М. Ю. Опасение // Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1 / Под общ. ред. И. Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана. М. : Художественная литература, 1957. С. 120.

По мнению У. Бека, качественно новый этап в усложнении рисков и страхов связан с переходом человечества от «общества риска» к «мировому обществу риска»: «Категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает общество риска», что выражается в доминировании инсценированных рисков и «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска... стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значения, живём ли мы в мире, который “объективно” более безопасен, чем тот, который был ранее, – *инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие*» [16, р. 11]. Социолог так конкретизирует суть новых сложных рисков: *на макроуровне* они приобретают три характерные черты: 1) они «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на «нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение»). *На микроуровне*: прежние *риски институциональной индивидуализации* вытесняются рисками радикальной индивидуализации: «Ни наука, ни господствующая политика, ни масс-медиа, ни бизнес, ни правовая система, ни даже военная сила не в состоянии определить и контролировать риски рациональным образом. Индивид вынужден не доверять обещаниям рациональности этих институтов. В силу этого люди отброшены на самих себя: *высвобождение без укоренённости* – есть иронично-трагическая формула для определения размеров индивидуализации в мировом обществе риска» [16, р. 54].

Социолог обосновал корреляцию между *взаимно обусловленным усложнением* рисков и страхов, что привело к становлению *рынка страхов*, на которых одни акторы их продают, а другие рискуют, покупая всевозможные защитные средства: в «мировом обществе риска» доминирует «*инсценированная реальность*» и, соответственно, *культурно созданные* риски и страхи *инсценированного типа*. По его мнению, в обществах риска идёт «глобализация культуры страха... страх создаёт новую, хрупкую коммуникативную связь – сообщества страхов» [17, р. 295–296].

Идея У. Бека о доминировании *инсценированных* рисков и страхов получила развитие и у других социологов. Дж. Урри отмечает, что благодаря инсценированной реальности возникают *гибридные «страшные риски»*, которые «масштабно распространяются в глобальном пространстве... климатическое изменение превратилось из неопределённости (на-

бора неизвестных неизвестностей [unknown unknowns]) в набор страшных рисков» [18, p. 12–13].

У. Бек, также в соавторстве с Э. Бек-Герншейм, в книге «Дистанционная любовь» анализирует последствия процесса вытеснения институциональных рисков любви и семьи гораздо более сложными рисками и страхами, обусловленными *радикальной индивидуализацией* [19]. Как считают авторы, главным их детерминантом является *космополитическая культура*, перманентно воспроизводящая «новые гибридные типы мировой семьи». Среди них: супружеские пары, продолжающие отношения, но живущие в разных странах (усложнившиеся небеспочвенные страхи ревности); пары, проживающие в одной стране, но супруги родились и социализировались в разных культурах. Для ряда индивидов значимым средством достижения «истинной» любви и решения важнейших жизненных проблем становится мобильность в виде миграции; получают развитие мобильности ради суррогатного материнства. Вместе с тем увеличиваются риски и страхи конфликтов, обусловленные культурными различиями пар (не забываются ценности, приобретённые в разных жизненных мирах в процессе социализации); риски глобальных неравенств имманентно присущи мировым семьям, что проявляется в привилегиях и страхах унижения, с которыми они сталкиваются («жизнь в тени» – на полуполюгальном или нелегальном положении одного из супругов); многие риски мировых семей обусловлены противоречиями в правовых системах различных стран, которые рельефно проявляются при заключении браков или при разводах. Возникают риски для самого смысла понятия «семья»: мировые семьи сталкиваются с несовместимыми взглядами на сам союз (страхи выбора несовместимых друг с другом альтернатив: равноправие членов или мужское доминирование, традиционная социализация детей или воспитание в контексте трансгендерных трендов – у детей в таких семьях практически нет возможности получить информацию о своих биологических родителях и т. д.). Авторы ратуют за то, чтобы риски и страхи глобализации любви вошли в предмет современной социологии [19].

Принципиальным ответом на риски и страхи, обусловленные космополитической культурой, как считает У. Бек, могла бы стать *космополитическая этика*, основанная на «истинном прощении», состоящем в «прощении непрощаемого». Причём «не только Бог должен прощать, но люди должны прощать людям» [20, p. 46].

На наш взгляд, в представленных выше суждениях имеет место абсолютизация принципов формальной рациональности и прагматизма, при этом умалется национально-локальная, культурная специфика рисков (и, соответственно, страхов), значимость которой особо подчёр-

квивали М. Дуглас, О. Н. Яницкий, Ю. А. Зубок. Однако мы считаем, что поставленные У. Бемом проблемы, несомненно, актуальны. Критически отрефлексированные его соображения могут быть использованы в таких курсах, как «Социология семьи и демографии», «Социология молодёжи». Разумеется, в них следует включить культурно обусловленное изучение рисков и страхов *любви по-русски*, осуществлённое В. Н. Ивановым [21], а также исследования «настоящей любви», проведённое ВЦИОМ [22].

Синергийные сложности: адекватные им синергийно сложные риски и страхи

Значимый вклад в изучение многообразных факторов, производящих сложные риски, внёс Н. И. Лапин, обосновавший антропосоциокультурный подход [23]. По его мнению, в России и мире возникли «синергийные сложности», представляющие собой реалии как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего: происходит диалектическое возвращение к своим естественно-историческим основаниям с обретением цивилизационного качества собирания и надёжной защиты культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий. Как считает учёный, властные элиты не знали сложности того общества, которое они «построили». Имело место «непонимание *неприемлемых рисков как сигналов* о синергийной сложности проблем и неприемлемости простых решений – все эти и подобные им факторы стали едва ли не решающими предпосылками прекращения уникальных процессов перестройки» [23, с. 53]. В результате возникли риски «массовизации травм», фактически уходящие своими корнями в *прошлое*, но обуславливающие усложняющиеся риски *настоящему и будущему* устойчивому развитию страны, важнейшие из которых: 1) риски целостности страны, вывоз основных ресурсов и финансовых результатов их использования; 2) риски зависимости страны от технического, промышленного и экономического потенциала общеглобальной, мировой системы как продукта инвестиций транснационального капитала; 3) недостаток механизмов общественного саморазвития при стремительном увеличении рисков мирового масштаба (пандемия COVID-19 и санкционные инициативы в отношении РФ); 4) риски неравенств населения, плоской шкалы налогов на доходы; 5) риски социальной противоречивости гражданско-общественной культуры и деградации общей культуры населения как следствие недостатка инвестиций в инновационное развитие государства и избыточное финансирование СМИ, ориентированных на апелляции к «тёмным сторонам души» человека; 6) риски отчуждения граждан

от участия в доходах от использования природных ресурсов их регионов; 7) миграционные риски, представляющие угрозу безопасности и общему будущему локального населения; 8) риски *антропосоциокультурной травмы* социализации [23, с. 12, 25, 30, 38–43, 53, 74, 187–260]. Данные риски в итоге привели к становлению «общества травмы».

Изучение Ж. Т. Тощенко рисков, обусловленных конкретно травмами российского социума, позволило ему прийти к выводу о том, что травмы детерминируют многие социальные страхи, являющиеся «показателем деформированности общественного сознания и поведения» [24, с. 142]. Среди выделенных им страхов – тревожность, касающаяся прежде всего повседневной жизнедеятельности молодых людей, у которых сформировалось чувство несправедливости; беспомощность в желании повлиять на происходящее; страх перед настоящим и будущим (нестабильность работы, угроза быть уволенным, невозможность переквалифицироваться в связи с новыми технологиями и/или новой техникой, неясность и ограничения в оплате труда, отсутствие условий для отдыха и организации нормального отпуска). И главная суть социальных страхов – *«россияне столкнулись с новыми видами отчуждения»* [24, с. 142–144].

Отметим два типа синергийных сложностей и производимые ими сложные риски и страхи.

Первый. *Гибридная социо-техно/цифро-природная реальность*. Дж. Урри утверждает, что гибридизация «социальных и физических/материальных миров» привела их к «полному переплетению» [18]. В результате произошло становление *BANI-мира* (акроним, обозначающий его имманентные черты: Brittle (хрупкость), Anxious (тревожность), Nonlinear (нелинейность), Incomprehensible (непостижимость) [25]) – все его сущностные характеристики перманентно воспроизводят «порядок из хаоса» [26] и, соответственно, сложные риски и страхи, становящиеся дополнением к общим условиям нестабильности (Volatility), неопределённости (Uncertainty), сложности (Complexity) и неоднозначности (Ambiguity) *VUCA-мира* [27].

Второй. *Синергийная сложность сознания россиян*, важным компонентом которого является *историческое прошлое*. «Образы истории – это всегда одновременно и прообразы современности». Исследование, проведённое под руководством академика М. К. Горшкова учёными Института социологии ФНИСЦ РАН в 2020 году, выявило, что особый интерес россиян к отечественной истории «связан во многом с высокой ролью исторического прошлого в консолидации населения как на локальном, так и на страновом уровнях» [13, с. 17]. При этом была раскрыта суть рисков самобытности сознания россиян, а также фальсификаций отечественной истории: произошло «снижение исторических компетенций, в особен-

ности среди молодёжи»; «каждый третий россиянин сегодня не может сказать, кем могла бы гордиться страна» [13, с. 21, 33]. Причина тому комплексная – потоки неструктурированной информации о перипетиях отечественной истории, которую россияне получают из кинофильмов, телепередач, художественной литературы, а в последнее время особенно из Интернета [13, с. 27]. В синергичную сложность сознания также входят *национально-государственные символы*. В отношении к ним проявляются следующие риски: «наиболее глубокий “водораздел” в восприятии национальных символов обнаруживается между людьми, по-разному видящими желаемое будущее России... Сторонники сближения с Западом, вхождения России в “общеевропейский дом” чаще игнорируют исторические (а с ними и политические) аспекты национальных символов, фокусируясь на политически и исторически нейтральных ассоциациях... в подобных установках прозападно настроенных россиян проявляется желание стать национально и граждански “нейтральными” и дистанцироваться от “российскости” [13, с. 39]. *Этническая и гражданская составляющие формируют скрепы идентичности россиян*: «Национальность россияне определяют преимущественно через культуру, а не через “кровь”, биологическое родство... понимание этнической общности через сопричастность общей культуре делает её границы не “жёсткими”, а открытыми для новых членов, и этническую идентичность – изменяющейся под влиянием времени» [13, с. 136]. В тоже время общим, незыблемым, объединяющим стержнем выступают культура речи, историческая и культурная значимость русского языка.

Также возникли новые риски устойчивому развитию страны, среди которых: «националистические идеи чаще других поддерживают россияне без профессионального образования»; «национальный вопрос не только обладает колоссальным центробежным ресурсом, но и способен порождать многопоколенные острые конфликты»; представители определённой социальной группы, обозначенные как «катастрофисты», «чаще других высказываются в поддержку лозунга “Россия для русских”»; события на Украине «переносят фокус “русского вопроса” из внутренней политики, где дискурс защиты прав русских циркулировал с середины 2000-х гг., в международное пространство» [13, с. 138, 139, 140]. Особо в исследовании Института социологии ФНИСЦ РАН выделяются *риски идеологического противостояния*. В годы перестройки и либеральных реформ в общественное сознание россиян активно внедрялся миф о «деидеологизации истории», который, по существу, камуфлировал «многочисленные атаки на историю, попытки её переосмыслить, заменить её прочтение как героических страниц на прочтение как страниц идеологического и гуманитарного поражения» [13, с. 59–60]. Идеологическая

борьба не только не завершилась, но существенно усложнилась, распространяясь как на наше прошлое, исконные ценности, победы в Великой Отечественной войне, освоении космоса, так и на современную политику суверенного развития: «идеологическая борьба в обществе... фокусируется сегодня на “актуальной повестке” и в меньшей степени обращена в прошлое» [13, с. 76–77].

Идеологические противоречия коснулись и культуры. Как отмечал С. Г. Кара-Мурза, процесс разрушения и переустановки «культурного ядра» на уровне антропологической модели общества происходил в эпоху советской перестройки, когда идеям коллективизма, вытекающим из христианских догм, начинали латентно противопоставляться идеи исключительности индивидуальных прав каждого члена социума, естественности социального неравенства [28].

По существу, становление синергично сложных реалий привело к созданию *рынка страхов*, который функционирует за счёт искусственного производства и потребления *инсценированных рисков и страхов*. У. Бек прямо пишет об этом: утверждается «бизнес на страхе», процветающий от общих потерь. «Безопасность становится прибыльным общественным и частным сектором потребления товара подобно продаже воды и электричества» [16, р. 9]. При этом «экспансия риска опережает страховую защиту, последняя утрачивает свою функцию нейтрализации страха как на социальном, так и на политическом уровне... Утверждаются свободно плавающие страхи» [16, р. 139].

Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые страхи для молодёжи на этом рынке, а также востребованные средства их «лечения». Подчёркнём, становление инсценированных рисков и страхов ведёт к беспрецедентным *манипуляциям по деформации их содержания*. Последствия этих манипуляций сказываются прежде всего на молодых людях, у которых в силу возраста нет достаточного риск-опыта.

1. *Общее состояние тревожности*, порождённое реалиями ВANI-мира, культурой страхов и перманентно воспроизводимое фармакологическими компаниями, которые процветают, производя и продавая антидепрессанты. Латентно они вытесняют занятия спортом, требующие регулярных физических и психологических активностей. Их отложенные во времени риски («эффект Гидденса») для здоровья очевидны [29]. Данные ВЦИОМ свидетельствуют, что эти страхи особенно распространились в молодёжной среде [30].

2. *Рынок страхов неизвестного будущего* взяли под свой контроль астрологи и маги [31].

3. *Страхи не поступить в вуз*, притом, что увеличивается число бюджетных мест. В общественном сознании страхи ЕГЭ/ОГЭ достаточно

высоки (страх большого объёма информации, страх нехватки времени, страх перед некалькулируемостью всех рисков образовательной системой и т. д.). Самый простой и прагматичный ответ на них – репетиторство. Данные опроса компании Rambler&Co 3–9 сентября 2021 г. свидетельствуют, что к репетиторам обращались 49% россиян. Среди них 35% делают это на постоянной основе, 10% – только перед поступлением в вузы, 4% – только перед экзаменами и олимпиадами [32].

4. *Страхи, обусловленные рисками нездорового питания.* Макдональдизированная еда, особенно распространённая среди молодёжи, как и постоянные перекусы, а также другие типы «нееды» содержат как медицинские риски, так и риски дегуманизации человеческих отношений [33]. Избыточное («заедание стресса»), или недостаточное питание, употребление кофеиносодержащих и газированных напитков с высоким содержанием сахара, нарушающее национальные традиции приготовления и потребления пищи, как показали исследования социологов МГИМО, вредны для молодого растущего организма [34].

5. *Страхи, порождённые гонкой за «правильной идентичностью»* [35], содержат риск отчуждения от социума и от себя (от своей самости, приобретённой в культуре своего жизненного мира).

6. *Страхи и тревоги социального бытия* за самореализацию, социально-профессиональное будущее, своё здоровье и физические возможности, которые «здесь и сейчас»; тревоги за прошлое (соответствие ожиданиям/ценностям общества, поколениям предков: (пра)-дедушек/пра-бабушек/родителей) и тревоги за будущее (за будущее своей семьи, за здоровье детей, свой социальный статус, положение в обществе) [36].

Выводы: запрос на рефлексивное лечение страхов, основанное на генотипе отечественной культуры

Западные социологи в своём большинстве предлагают средства лечения страхов, основанные на выработке «универсальных» подходов к рискам и лечению симптомов страхов. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле предложил постулат управления рисками, суть которого – не максимизировать ожидаемую полезность, а стремиться к *максимальной надёжности* [37]. Полагаем, он не утратил своей актуальности с учётом того, что многие молодые россияне хотят многого и сразу, не учитывая риски получивших распространение «марафонов желаний» [38]. Однако, по нашему убеждению, принципиальное решение проблемы сложных страхов в молодёжной среде видится в формировании на страновом уровне *отечественной культуры рефлексии рисков и страхов*. Именно такой подход содержится в исследовании Н. И. Лапина, который ратует за *гуманизацию* человеческих отношений и *всегражданское самопросвещение* по-

средством исторически сложившихся каналов социализации: «естественно-исторически сформировавшийся процесс самоидентификации индивидов с финальными ценностями и обобщёнными нормами своего общества, ядра культуры своей цивилизации» [23, с. 272]. Согласно его исследованиям, «с 1990 года на первых местах по уровню поддержки населением и по весу в совокупности факторов были и остаются позиции, имеющие чёткую *гуманистическую ориентацию* в повседневной жизни людей» [39, с. 239].

Суверенизация образования и науки – весьма значимый компонент рефлексивного лечения страхов, позволяющего целенаправленно и систематически создавать интеллектуальные условия для преодоления возникающих рисков хаотизации и дезорганизации жизни. Через развитие системы непрерывного образования возможно управление процессами «утечки национального человеческого капитала за границы страны» [40]. В условиях конфронтационных вызовов со стороны Запада важно создание *благоприятных жизненных шансов* для учёбы, работы, отдыха в России, чему российские социологи посвящают специальные исследования (см., напр.: [41]). Если западные теоретики в методологический фундамент анализа сложных реалий закладывают принципы формальной рациональности и прагматизма, то российские обществоведы исходят из особой значимости *культуры и гуманизма*. С этих позиций В. С. Стёпин дал обоснование теории социальной синергетики, базовыми принципами которой считал «социокультурную размерность» [42] и «ценностные основы» [43] научного знания.

Процессы «глобализации культуры страха» (У. Бек), действительно имеющие место, нельзя абсолютизировать. Из такой трактовки современного миропорядка фактически исключается *значимость национально-локальных и региональных реалий*, их специфическое влияние на производство страхов и средств противодействия им. Полагаем, в этом вопросе более прав В. А. Ядов, предложивший теорию гло-локал-анклавизации [44]. Со своей стороны мы отметили важность интеграции *мировых и национальных методологических подходов* в социальном знании [45], что может быть использовано и в диагностике усложняющейся природы рисков и страхов. К этому добавим, что в современном российском обществе наблюдается распространение принципов индивидуализма (в значительной степени под влиянием внедрения болонской системы образования), что актуализировало значимость морали, особенно в преодолении страхов одиночества. Академик А. А. Гусейнов отмечает: «Мораль соединяет, приравнивает то, что ни по каким законам чувственного мира и мира рассудка соединено, приравнено быть не может – человечество и человека, всеобщий закон и единичный поступок» [46, с. 5].

По нашему мнению, для избавления молодёжи от инсценированных страхов необходим переход к *нелинейногуманистическому мышлению и социально ответственному действию*, которое включает в себя следующие три

базовых методологических и практических принципа: 1) диагностика само-бытных реалий российского общества в контексте становления синергичных сложностей; 2) принятие во внимание факта новых трендов идеологической борьбы, в которой ныне акцент делается на производстве русофобии, инсценированных рисков и страхов, нацеленных на переформатирование сознания российской молодёжи; 3) на страновом уровне необходима разработка государственной стратегии рефлексивного лечения страхов, основанного на цивилизационных принципах российской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теологический энциклопедический словарь / Под ред. У. Элвелла. М. : Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. 1488 с. ISBN 5-87727-030-3.
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева ; 6-е изд. М. : Академический проект, 2020. 154 с. ISBN 978-5-8291-2463-2.
3. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина ; 2-е изд. М. : Академический Проект, 2013. 288 с. ISBN 978-5-8291-1462-6. EDN **VRSIHD**.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков : «Фолио», 2003. 503 с. ISBN 966-03-1594-5.
5. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд ; пер. с нем. М. : Наука, 1989. 456 с. ISBN 5-02-13357-4.
6. *Дуглас М.* Риск // THESIS. 1994. № 5. С. 242–276. URL: https://igiti.hse.ru/data/471/313/1234/5_4_2Daed.pdf?ysclid=ltvi20gsx1882576162 (дата обращения: 17.03.2024).
7. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. Санкт-Петербург : Наука, 2007. ISBN 978-5-02-026871-5. EDN **QOHQND**.
8. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 352 с. ISBN 978-5-02-026871-5.
9. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / М. К. Горшков, В. В. Петухов, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. Москва : Издательский Дом «Альфа-М», 2009. 159 с. ISBN 978-5-98281-183-7. EDN **QBAOVH**.
10. *Бауман З.* Текущая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN **QOABEJ**.
11. *Bauman Z.* Liquid Fear. Cambridge : Polity Press, 2006. 188 p. ISBN 978-07456-3679-5.
12. *Горшков М. К.* На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпунин. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с. ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4). 2022. EDN **ZNLAIZ**.
13. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова. Москва : ООО Издательство «Весь Мир», 2022. 248 с. ISBN 978-5-7777-0904-2. DOI [10.55604/9785777709042](https://doi.org/10.55604/9785777709042). EDN **HEUCDA**.
14. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / К. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.

15. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The Normal Chaos of Love. Cambridge : Polity Press, 1995. 240 p. ISBN 978-0-745-61382-6.
16. *Beck U.* World at Risk. Cambridge : Polity Press, 2009. 269 p. ISBN 978-0-745-64200-0.
17. *Beck U.* Power on the Global Age. Cambridge : Polity Press, 2006. 352 p. ISBN 978-0-745-63230-8.
18. *Urry J.* Climate Change & Society. Cambridge : Polity Press, 2011. 217 p. ISBN 978-0-745-65036-4.
19. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Distant Love. Cambridge : Polity Press, 2014. 220 p. ISBN 978-0-745-66181-0.
20. *Beck U.* Cosmopolitan Version. Cambridge : Polity Press, 2006. 216 p. ISBN 978-0-745-63399-2.
21. *Иванов В. Н.* Любовь и юмор. М. : Нефть и газ, 2010. 184 с. ISBN 5-7246-0399-3.
22. Настоящая любовь // ВЦИОМ : [сайт]. 07.07.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubov?ysclid=lto90f03o6236946703> (дата обращения: 17.03.2024).
23. *Лапин Н. И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Институт Философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. М. : «Весь Мир», 2021. 364 с. ISBN 978-5-7777-0848-9.
24. *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : «Весь Мир», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN **QLXXDD**.
25. *Cascio J.* Facing the Age of Chaos // Medium : [сайт]. 29.04.2020. URL: <https://medium.com/cascio/> (дата обращения: 17.03.2024).
26. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : УРСС, 2023. 320 с. ISBN 978-5-354-01716-4.
27. *Амосова Н. А.* Финансовая стабильность на финансовых рынках между SPOD и VUCA мирами // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235, № 3. С. 174–185. DOI [10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185). EDN **VLKDas**.
28. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с. ISBN 5-699-08331-6.
29. *Куташова Л. А., Красников А. Н.* Последствия злоупотребления транквилизаторами // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 17 (17). С. 20–22. EDN **XEQXML**.
30. Уровень тревожности и страхи россиян // Клуб регионов : [сайт]. URL: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf> (дата обращения: 17.03.2024).
31. Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах // ВЦИОМ : [сайт]. 06.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=lto90f03o6236946703> (дата обращения: 17.03.2024).
32. Исследование Rambler&Co и Сберуслуги: услугами репетиторов пользуется половина родителей // Rambler-co : [сайт]. 10.09.2021. URL: <https://rambler-co.ru/news/350> (дата обращения: 17.03.2024).
33. *Кравченко С. А.* Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 12–29. EDN **UJEWDB**.
34. Социология питания: традиции и трансформации / С. А. Кравченко, Н. Н. Зарубина, А. В. Носкова [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Зарубиной, С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2017. 302 с. ISBN 978-5-9228-1585-7. EDN **XWBXKF**.
35. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. ; под ред. В. Иноземцева. М. : «Логос», 2005. 390 с. ISBN 5-98704-075-2.

36. Шиловцев А. В. Социальная безопасность личности в условиях нестабильности и неопределённости: от страха к уверенности // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17, № 3-4 (87-88). С. 206–210. EDN **SZMPPW**.
37. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS. 1994. № 5. С. 217–241. URL: https://igiti.hse.ru/data/465/313/1234/5_4_1Allais.pdf?ysclid=ltvppqnxe2203921707 (дата обращения: 17.03.2024).
38. «Марафон желаний»: охват участников, удовлетворённость и потенциал // ВЦИОМ : [сайт]. 09.02.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/marafon-zhelanii-okhvat-uchastnikov-udovletvorennost-i-potencial?ysclid=ltoa3nuec9163358452> (дата обращения: 17.03.2024).
39. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики : учеб. пособие. М. : Логос, 2008. 238 с. ISBN 978-5-98704-319-0. EDN **SURKRR**.
40. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в современном контексте: монография / М. К. Горшков, Г. А. Ключарев ; 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 200 с. ISBN 978-5-534-08241-8. EDN **WAYZKB**.
41. Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53–65. DOI [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053). EDN **XQOMMP**.
42. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с. ISBN 5-89826-053-6. EDN **SIOLQR**.
43. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18. EDN **STTZML**.
44. Ядов В. А. И всё же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество / Отв. ред. В. А. Ядов. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 9–20. ISBN 5-93354-008-0. EDN **SYMFHD**.
45. Кравченко С. А. Диагностика рисков становления новой России: запрос на интегральное и суверенное знание в сфере социально-политических наук // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 165–180. DOI [10.17976/jpps/2023.03.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.12). EDN **IRPWDE**.
46. Гусейнов А. А. Ценности и цели: как возможен моральный поступок // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 3–37. EDN **LHTCZZ**.

Сведения об авторах

С. А. Кравченко

доктор философских наук,
профессор
AuthorID РИНЦ: **77019**
SPIN-код: **1915-6784**

Д. А. Свирская

соискатель кафедры социологии
AuthorID РИНЦ: **923211**
SPIN-код: **1714-4939**

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 02.04.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.5

THE BECOMING OF THE COMPLEX FEARS AMONG YOUNG PEOPLE: REFLECTION THROUGH THE PRISM OF THE GENOTYPE OF THE DOMESTIC CULTURE

Sergej Aleksandrovich Kravchenko¹

Daria Alexandrovna Svirskaya²

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)

Moscow, Russia,

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS,

¹ sociol7@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2528-5703

² daria_svirskaya@mail.ru,

ORCID 0009-0000-5683-1768

For citation: Kravchenko S. A., Svirskaya D. A. The becoming of the complex fears among young people: reflection through the prism of the genotype of the domestic culture. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):102–121. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.5.

Abstract. The article examines the process of the development and complication of fears, starting with the transition from the traditional society to the “risk society” and the “world risk society” and further to the modern society, the essential features of which, according to the anthropo-sociocultural approach of N. I. Lapin, are “synergistic complexities”. They represent realities as the result of a nonlinear process of their formation in the context of the past, present and future. Their immanent essence is manifested in self-development, self-organization and hybridization of nature, society, technology that is expressed in the emergent effects of instability, inequality, dynamic chaos, which produce fears for people about the uncertainties of the present and future. Specifically, two types of the synergistic complexities are considered, which are the determinants of the “culture of fear” (U. Beck) and the formation of a specific fear market in which staged fears of the complex type dominate and the means of their “treatment” are sold. However, the content of fears is determined not only by global trends in the transformation of the universe, but also by local national factors and, above all, by the genotype of the country’s culture. In this regard, foreign pragmatic approaches to minimizing fears are critically analyzed, which are contrasted with the research of the domestic scientists offering culturally determined means of overcoming them. In the conclusion, the authors substantiate the contours of the concept of a strategy for the reflexive treatment of fears, aimed at counteracting the penetration of staged fears into the consciousness of Russian youth.

Keywords: fear, risk, youth, “synergic complexity”, “culture of fear”, culture genotype, reflection

REFERENCES

1. Theological Encyclopedic Dictionary [Teologicheskij e'nciklopedicheskij slovar']. Eds. By U. Elvella. Moscow: Assotsiatsija "Duhovnoe vozrozhdenie"; 2003. 1488 p. (In Russ.). ISBN 5-87727-030-3.
2. Kerkegor S. Fear and trembling [Strax i trepet]. Transl. from Dan. by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. 6nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt; 2020. 154 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-2463-2.
3. Heidegger M. What is Metaphysics? [Chto takoe metafizika] Transl. from Germ. by V. V. Bibihin. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt; 2013. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-1462-6.
4. Heidegger M. Being and Time [By'tie i vremya]. Transl. from Germ. by V. V. Bibihin. Kharkiv: "Folio"; 2003. 503 p. (In Russ.). ISBN 966-03-1594-5.
5. Freud S. Introduction to Psychoanalyses. Lectures [Vvedenie v psixoanaliz. Lekcii]. Trans. from German. Moscow: Nauka; 1989. 456 p. (In Russ.). ISBN 5-02-13357-4.
6. Duglas M. Risk. *THESIS*. 1994;(5):242–276. Available at: https://igiti.hse.ru/data/471/313/1234/5_4_2Daed.pdf?ysclid=ltvi20gsx1882576162 (accessed: 17.03.2024).
7. Luman N. Social Systems: general theory [Social'ny'e sistemy'. Oчерk obshhej teorii]. Ed. by N. A. Golovina. Transl. from German by I. D. Gaziev. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 643 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
8. Durkheim E. Introduction to Sociology. The Rules of Sociological Method [Sociologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenie]. Transl. from French by A. B. Gofman. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
9. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., Tihonova N. E. [et al]. Russia at a new turning point: fears and anxieties. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petuhov. Moscow: Al'fa-M; 2009. 106 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-183-7.
10. Bauman Z. Liquid modernity [Tekuchaya sovremennost']. Trans. from Eng. by U. V. Asochakov. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-469-00034-1.
11. Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press; 2006. 188 p. ISBN 978-07456-3679-5.
12. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. Moscow: FNISC RAN; 2022. 703 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022).
13. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E. [et al]. Historical consciousness of Russians: essays of the past, memory, symbols (experience of sociological dimension). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir; 2022. 248 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0904-2. DOI [10.55604/9785777709042.20](https://doi.org/10.55604/9785777709042.20).
14. Bek K. Risk society: towards new modernity [Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modern]. Transl. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradisija; 2000. 383 p. (In Russ.). ISBN 589826-059-5.
15. Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity Press; 1995. 240 p. ISBN 978-0-745-61382-6.
16. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press; 2009. 269 p. ISBN 978-0-745-64200-0.
17. Beck U. Power on the Global Age. Cambridge: Polity Press; 2006. 352 p. ISBN 978-0-745-63230-8.
18. Urry J. Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press; 2011. 217 p. ISBN 978-0-745-65036-4.

19. Beck U., Beck-Gernsheim E. Distant Love. Cambridge: Polity Press; 2014. 220 p. ISBN 978-0-745-66181-0.
20. Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press; 2006. 216 p. ISBN 978-0-745-63399-2.
21. Ivanov V.N. Love and humor [Lyubov' i yumor]. Moscow: Neft i gaz; 2010. 184 p. (In Russ.). ISBN 5-7246-0399-3.
22. True love. VCIOM: [website]. 07.07.2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubov?ysclid=lt090f03o6236946703> (accessed: 17.03.2024).
23. Lapin N. I. Complexity of the formation of anew Russia anthroposociocultural approach. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Center of sociocultural change. Moscow: Ves' Mir; 2021. 364 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0848-9.
24. Toschenko Zh. T. Society of trauma. Between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analyses). Moscow: Ves' Mir; 2020. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.
25. Cascio J. Facing the Age of Chaos. Medium: [website]. 29.04.2020. Available at: <https://medium.com/cascio/> (accessed: 17.03.2024).
26. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man's new dialogue with nature. Transl. from Eng. by U. A. Danilov. Moscow: URSS; 2023. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-354-01716-4.
27. Amosova N. A. Financial stability in financial markets between SPOD and VUCA words. *Scientific Works The Free Economic Society of Russia=Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obschestva Rossii*. 2022;235(3):174–185. (In Russ.). DOI [10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185). EDN VLKDas.
28. Kara-Murza S. G. Mind manipulation [Manipulyaciya soznaniem]. Moscow: Eksmo; 2005. 832 p. (In Russ.). ISBN 5-699-08331-6.
29. Kutashova L. A., Krasnikov L. A. Consequences of tranquilizer abuse. *Central Science Bulletin=Tsentralnyj nauchnyj vestnik*. 2016;1(17):20–22. (In Russ.).
30. Level of anxiety and fears of Russians. Klub of regions: [website]. Available at: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf> (accessed: 17.03.2024).
31. Mysterious and the other world or Russians about magicians and astrologers. VCIOM: [website]. 06.03.2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=ltobm49911447738343> (accessed: 17.03.2024).
32. Half of parents use tutoring services. 10.09.2021. Rambler & Co: [website]. Available at: <https://rambler-co.ru/news/350> (accessed: 17.03.2024).
33. Kravchenko S. A. Paradoxes of the “arrow of time”: the birth of no food. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2015;3(14):12–29. (In Russ.).
34. Kravchenko S. A., Zarubina N. N. [et al]. Sociology of nutrition: traditions and transformations [Sotsiologija pitaniya: traditsii i transformatsii.]. Moscow: MGIMO-Universitet; 2017. 302 p. (In Russ.).
35. Bauman Z. Individualized society [Individualizirovanoe obshchestvo]. Transl. from Eng. by V. Inozemceva. Moscow: Logos; 2005. 390 p. (In Russ.). ISBN 5-98704-075-2.
36. Shilovcev A. V. Social security of the individual in conditions of instability and uncertainty: from fear to confidence. *Personality. Culture. Society=Lichnost. Kultura. Obschestvo*. 2015;17(3-4):206–210. (In Russ.).
37. Alle M. The behavior of the rational man in the face of risk: critique of the postulates and axioms of the American school [Povedenie racional'nogo cheloveka v usloviyax

- riska: kritika postulatov i aksiom amerikanskoj shkoly’]. *THESIS*. 1994;(5):217–241. Available at: https://igiti.hse.ru/data/465/313/1234/5_4_1Allais.pdf?ysclid=ltvppqnx2203921707 (accessed: 17.03.2024).
38. “Marathon of wishes”: scope of participants, satisfaction and potential. VCIOM: [website]. 09.02.2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/marafon-zhelanii-okhvat-uchastnikov-udovletvorennost-i-potencial?ysclid=ltoa3nu9163358452> (accessed: 17.03.2024).
39. Lapin N. I. Theory and practice of innovation. Moscow: Logos; 2008. 238 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98704-319-0.
40. Gorshkov M. K., G. A. Klucharev. Continuing education in the modern context. 2nd ed. Moscow: Yurajt; 2020. 200 p. (In Russ.). ISBN 978-5-534-08241-8.
41. Tihonova N. E. Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;(6):53–65. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053).
42. Stepin V. S. Theoretical science: structure, historical evolution [Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya e’volyuciya]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2003. 743 p. ISBN 5-89826-053-6.
43. Stepin V. S. Scientific knowledge and values of technological civilization [Nauchnoe poznanie i cennosti texnogennoj civilizacii]. *Problems of Philosophy = Voprosy filosofii*. 1989;(10):3–18. (In Russ.).
44. Yadov V. A. You can understand Russia with your mind [I vsyo zhe umom Rossiyu ponyat’ mozžno]. In: Russia: transformation of society. Ed. V. A. Yadov. Moscow: Kanon-Press-CZ; 2001. P. 9–20. (In Russ.). ISBN 5-93354-008-0.
45. Kravchenko S. A. Diagnostics of the risks of Russians development: request for integral and superstitious knowledge in the field of socio-political sciences. *Polis. Political Studies = Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023;(3):165–180. DOI [10.17976/jpps/2023.03.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.12).
46. Guseynov A. A. Values and goals: how moral action is possible [Cennosti i celi: kak vozmozhen moral’ny’j postupok]. *Ethical Thought = Eticheskaja mysl*. 2002;(3):3–37. (In Russ.).

Information about the Authors

S. A. Kravchenko

Doctor of Philosophy,

Main Researcher

ResearcherID: [H-5769-2016](https://orcid.org/0009-0001-5769-2016)

Scopus AuthorID: [14630561400](https://orcid.org/0009-0001-5769-2016)

D. A. Svirskaya

Applicant

ResearcherID: [KFA-5785-2024](https://orcid.org/0009-0001-5785-2024)

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 02.04.2024.